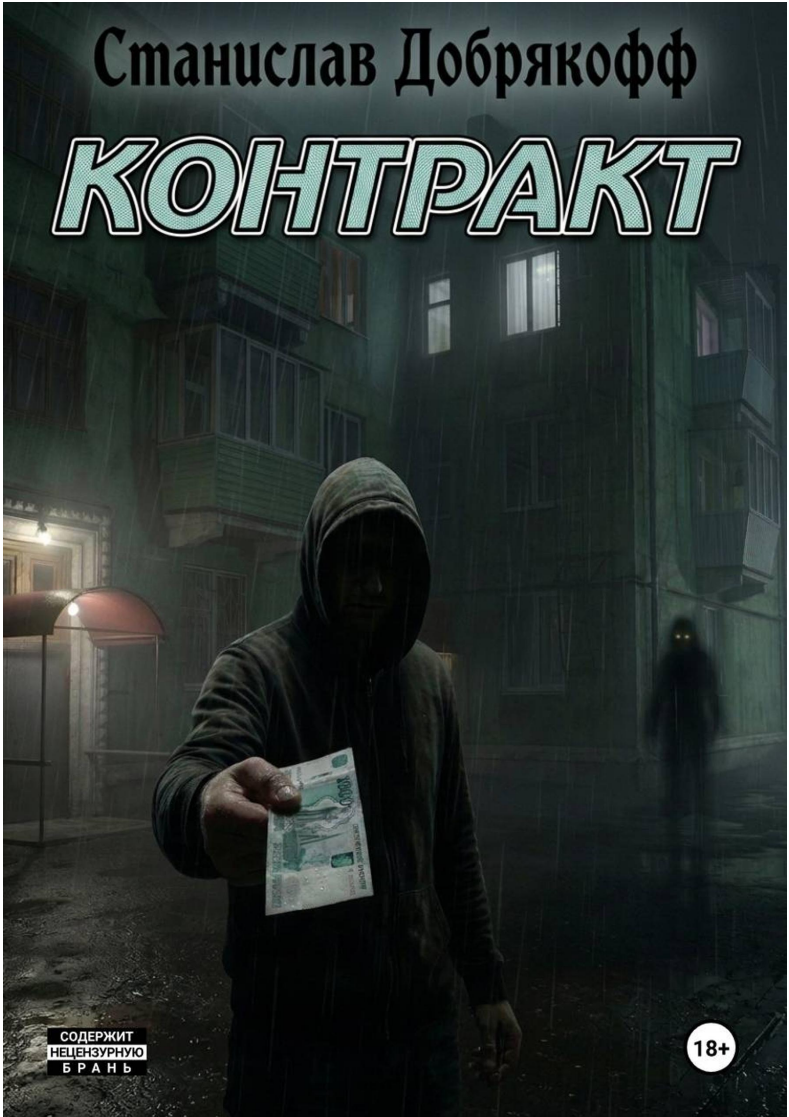
Станислав Добрякофф
КОНТРАКТ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Станислав Добрякофф
Контракт

https://litres.ru/74850712
SelfPub; 2026

Аннотация

«Долги здесь принято отдавать телом. До последней копейки».

Его жизнь — это замкнутый круг из коллекторов, пустого холодильника и презрительного молчания близких. Обычный заводской инженер, доведенный до отчаяния кредитами, однажды находит на мокром ноябрьском асфальте помятую купюру.

С этой минуты реальность начинает играть по его правилам. Желания исполняются, деньги текут рекой, а фортуна становится покладистой и ручной. Но невинная находка оказывается не подарком судьбы, а условиями жестокой сделки.

Когда удача обернется роковой стороной и придет время платить по счетам, ему придется встретиться с тем, кто не привык прощать.

Этот рассказ — мистическая притча о цене легких денег и настоящем долге. И о том, как даже перед лицом самой тьмы в человеке может проснуться холодный расчет бюрократа, требующего копию договора с печатью.

Содержание

Часть I 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Станислав Добрякофф
Контракт

Часть I

Бумажная петля

Воздух в квартире пах остывшей гречкой, пылью и старым кошачьим наполнителем, хотя кота у них не было уже лет пять. Этот запах въелся в обои, как и липкая тоска, от которой каждую ночь ныли зубы.

Он сидел на кухне, глядя в экран телефона. Синий свет высвечивал глубокие борозды у рта, трехдневную щетину и ввалившиеся, налитые кровью глаза. На экране горело уведомление: «Взыскание задолженности. Долг передан в работу. ООО "Феникс-Кредит"». Ниже — еще четыре банка, коммунальные платежи с красным предупреждением об отключении стояка горячей воды и микрозаймы. Семьдесят три тысячи рублей процентов поверх основного тела долга, взятого, чтобы перекрыть прошлый займ.

Всё началось год назад. Маленькая, глупая победа: он купил быстрый электронный билет в приложении за сотню рублей и снял пятнадцать тысяч. Этот впрыск дофамина в кровь

был похож на удар током. Деньги показались легкими, почти ручными. Он помнил, как купил тогда жене дорогие духи, дочерям — беспроводные наушники, а себе — иллюзию того, что он всё еще мужик, хозяин, кормилец, способный вытащить семью из серой панельной духоты.

А потом механизм захлопнулся. С каждой новой ставкой фортуна отступала на шаг, словно дразня. Он начал высчитывать закономерности: завел тетрадь в клетку, чертил графики выпадения шаров, искал циклы, анализировал архивы тиражей за пять лет. На работе — он числился ведущим инженером по снабжению на заводе — он перестал видеть людей. Перед глазами стояли шеренги двузначных чисел. Бумаги подписывались механически, звонки поставщиков сбрасывались. В голове гудел один и тот же мотив: «Сейчас отыграюсь, закрою всё разом, и никто ничего не узнает».

Но долги росли, как раковая опухоль. Пошли звонки с неизвестных номеров, сначала вежливые, затем с матом и обещаниями вырезать замки. Исполнительных производств набралась уже дюжина. Жена перестала смотреть в глаза, в ее молчании сквозило такое глухое презрение, от которого сводило челюсти.

Однажды он решил действовать: посчитал всё до копейки, набросал в блокноте план и на восемнадцатое июня записался через сайт на прием к судебному приставу-исполнителю Моргуновой М.И.

Вечером того же дня Моргунова явилась по его адресу сама. В щель тамбурной двери она сунула сложенную бумажку — извещение о явке. Бланк был заполнен на коленке, злыми корявыми каракулями, сквозь которые едва угадывались дата и время, зато типографский текст с угрозами штрафных санкций и принудительного привода бросался в глаза сразу. Эту бумажку вынула жена.

Когда он вернулся с завода, она встретила его в прихожей и протянула листок.

— Это что? — спросила она сухо, без слез.

В голосе не осталось даже гнева — только глухая, остекленевшая пустота. Она уже всё поняла: семейная жизнь летела в пропасть, и в ее глазах читался холодный расчет — развод, раздел того, что осталось, и бегство к матери.

В назначенный час он вошел в управление приставов. На

проходной парень в форме лениво проверил паспорт, вписал фамилию в потрепанный журнал и, не поднимая головы, бросил:

— Четырнадцатый кабинет.

Коридор к удивлению был пустым. Ни очередей, ни скандалящих пенсионеров.

За дверью четырнадцатого кабинета пахло дешевым растворимым кофе, лежалой бумагой и казенным дерматином. Моргунова М.И. оказалась сухощавой женщиной глубоко среднего возраста, невысокой, с мелкими, острыми чертами лица. Тонкие губы были сжаты в бледную полоску. На спинке стула висел форменный китель с крупными звездами на погонах — он не разбирался в табелях о рангах ведомства, но по тяжести взгляда и выправке прикинул: перед ним как минимум подполковник юстиции, высидевшая этот кабинет десятилетиями службы.

— Вы кто? И что хотели? — произнесли тонкие губы. Негромко, но с сухой, отработанной жесткостью.

Он назвал себя, положил на край стола паспорт и пояснил, что записывался через портал.

— А... Это я вам вчера повестку приносила?

Тяжелое молчание повисло в комнате, сгущаясь и начиная физически давить на виски.

— Ну, в общем так, — снова заговорили тонкие губы. — Сейчас политика такая... Сумма долга у вас большая. Я обязана вас ознакомить.

Она, не глядя, механическим жестом выдернула из стопки заранее приготовленные листы с отпечатанным текстом.

«Готовилась», — мелькнуло у него в голове.

— Ваши долги можно закрыть, — отчеканила Моргунова. — Вы согласны или нет? Прочтите и подпишите.

Он раскрыл блокнот, удерживая дыхание и возвращая себе самообладание:

— Можно ли снять ограничения с моей машины? Продать ее и закрыть часть задолженности?

— Нет, это невозможно, — отрезала приставша, даже не моргнув. — Все ваши исполнительные производства объединены в одно сводное.

— Может, есть какие-то законные варианты?

— Нет! Если только не найдете покупателя, который согласится за вас погасить всю задолженность до копейки... Всем контрактникам приостанавливается исполнительное производство, а также освобождают от исполнительских сборов. У вас долг колоссальный. Какая, кстати, у вас машина?

Он назвал марку.

— Хорошая машина, — равнодушно обронила она. — Так вы согласны или нет?

— Я не могу подписать прямо сейчас. Мне нужно всё обдумать, с кем-то посоветоваться...

— Ну тогда так и пишите: «не согласен», — резко перебила она.

Он остро ощутил, как почва уходит из-под ног, словно его раскачивали на чужих, скрипучих качелях. На заводе во время жестких переговоров с подрядчиками бывало то же самое — попытка сломать темпом, продавить на первой же минуте. И этот знакомый производственный рефлекс внезапно вернул ему ясность. Мозг включил глухую защиту: остановить раскачку, зафиксировать опору.

Он снова заглянул в блокнот. Голос его прозвучал неожиданно ровно, низко и спокойно:

— Уточните, пожалуйста: где мне получить копии всех судебных приказов и постановлений, по которым открыты производства?

— Зачем они вам? Что это вам даст? — в голосе Моргуновой прорезалось сухое, колючее раздражение.

«Ага. Теперь мы на этих качелях вдвоем, и качаю их я».

— Мне нужно понимать структуру задолженности, — методично ответил он. — Кому, сколько и на каком основании. На сайте общая каша, ничего не разобрать: какие суммы удержаны, кому ушли деньги.

— Пишите заявление, — процедила она сквозь зубы.

Она явно не ожидала встретить здесь человека с блокнотом и холодной выдержкой снабженца. Она ждала сломленного, готового на всё должника.

— Я распечатаю то, что есть в базе, — буркнула Моргунова, щелкая мышью. Принтер на тумбе заскрежетал. — Внизу напишете: «получено», дату и подпись.

Листы с шелестом легли перед ним.

— Так, а теперь вы должны подписать вот это, — она снова пододвинула типовой бланк согласия на контрактную службу.

— Могу я забрать бумаги с собой и внимательно изучить?

— Нет! Зачем вам это? Не согласны — так и пишите!

— Вы понимаете, что это за шаг? — он посмотрел ей прямо в глаза. — Мне нужно время взвесить последствия.

— Сколько вы будете думать? — Моргунова с досадой потянула лист обратно к себе.

— Сегодня четверг. До вторника.

— Приходите во вторник.

— В какое время вам будет удобно? — его вежливость прозвучала почти издевательски.

— В полтретьего. Придете?

— Мне нужно снова записываться через портал?

— Нет, не нужно! — почти прошипела она.

Он аккуратно вложил распечатки судебных приказов в блокнот, защелкнул резинку и поднялся. Встав во весь свой немалый рост, он занял добрую треть крошечного, душного кабинета. И в эту секунду грозная хозяйка исполнительных производств показалась ему просто уставшей, загнанной женщиной средних лет в казенной синей юбке. Ему на мгновение даже стало ее жаль.

Он вышел на улицу, но трезвая уверенность быстро испарилась. Реальность ударила под дых: долги оставались реальными. Подумав два дня, он понял, что других дверей нет.

Так он попал в военкомат. Медкомиссия, подписи врачей, заявление об увольнении с завода. Дома разразился ад: жена выла, уткнувшись в кухонное полотенце, дочери заперлись в детской и не выходили до утра. На суде по ипотеке каким-то чудом удалось смягчить удар — судья пошла навстречу, учла несовершеннолетних детей и наложенные обременения, сохранив квартиру под условие реструктуризации.

Но душа была сожжена дотла. Контракт застопорился на месяцы из-за бюрократической волокиты, и в образовавшуюся тишину снова хлынула болезнь. Все выскребенные копейки он с маниакальным упорством нес в быстрые тиражи.

Он стал живым трупом, ожидающим чуда через светящийся экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.